

Классы рабочих и трудовой массы.

„КРАСНЫЙ УРАЛ“

УРА

КАК ПОМОЧЬ БЕЛ

(Статья председателя СНК Т. М.)

ТУРКМЕНСКАЯ ИСКРА

ארבעה עשר

קולפארטען און דער ארגאן

ВЕСТИЯ

ОДНЯ

НОМЕРЬ

ТОЛО

И УМУ

В УРА

ארבעט

СЛОВА И

МНОЯ.

ЗВЕЗДА

ПСКОВСКИЙ НАБАТ

ЗВЕЗДА

ЗВЕЗДА

Тризвез

КОММУНА

СТАВРОПОЛЬ

УРА

Рабочая МОСКВА

АБОРТ

ВЛАСТЬ ЗОЛОТА

ПОЛИГРАФ

Коммуна

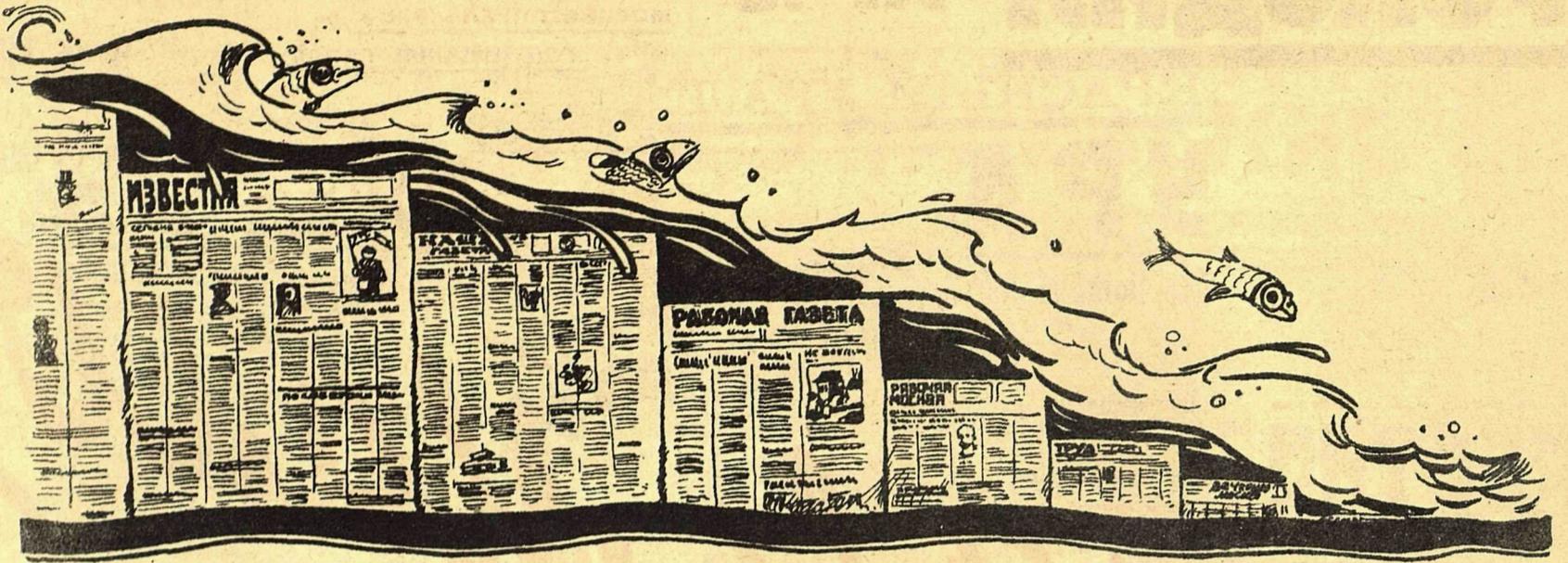
РЕДАКЦИЯ КУЛЬТУРЫ

Культурно-просветительная работа

СОВЕТ

СОВЕТСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ

Милые братья, дорогие сестры! Мы с вами вместе боремся за свободу, за мир, за социализм. Мы с вами вместе строим новую жизнь. Мы с вами вместе делаем великие дела. Мы с вами вместе побеждаем врагов. Мы с вами вместе создаем будущее. Мы с вами вместе делаем историю. Мы с вами вместе делаем славу. Мы с вами вместе делаем счастье. Мы с вами вместе делаем жизнь. Мы с вами вместе делаем любовь. Мы с вами вместе делаем дружбу. Мы с вами вместе делаем веру. Мы с вами вместе делаем надежду. Мы с вами вместе делаем верность. Мы с вами вместе делаем честность. Мы с вами вместе делаем доброту. Мы с вами вместе делаем милосердие. Мы с вами вместе делаем уважение. Мы с вами вместе делаем уважение к труду. Мы с вами вместе делаем уважение к знаниям. Мы с вами вместе делаем уважение к культуре. Мы с вами вместе делаем уважение к искусству. Мы с вами вместе делаем уважение к науке. Мы с вами вместе делаем уважение к технике. Мы с вами вместе делаем уважение к труду. Мы с вами вместе делаем уважение к знаниям. Мы с вами вместе делаем уважение к культуре. Мы с вами вместе делаем уважение к искусству. Мы с вами вместе делаем уважение к науке. Мы с вами вместе делаем уважение к технике.

— Уже который год мы празднуем „День печати“... Много за это время воды утекло.

ЧЕМБЕРЛЕН И ПЕЧАТЬ

(Что-то невероятное)

Меня принял сам зав: высокий, худой, бритый человек с моноклем и с пробормом. Я спросил:

— Мистер Чемберлен, если не ошибаюсь?

— К вашим услугам, — сухо ответил зав.

— Но... ведь вы, кажется, в Англии?.. Зав сказал:

— Что Англия, далеко Англия! Вообще, прошу вас перейти ближе к делу: я занят, и у меня нет времени на беседы с представителями печати... Кроме того, печать ведет себя крайне бестактно. Безобразно, недопустимо!

— Но, мистер Чемберлен...

— Недопустимо! — повторил зав. — Что это за тон? Что это за оценка? «Акула»!.. «Хищник империализма»!.. Разве так можно? Лично за себя я, конечно, не обижаюсь, но ведь вы подрываете этим престиж вверенного мне предприятия!

— Но, мистер Чембер...

— Подрываете кредит. «Акула»!.. А вы проверили этот факт? Получили вы визу: мою или моего секретаря? Как же вы не понимаете, что оглашением подобных сведений можно нанести ущерб интересам госпредприятия!..

— Но, мистер...

— Сегодня — «акула», а завтра вы печатаете непроверенные сведения о невыполнении программы или о неправильной калькуляции. Сегодня заденете меня лично, а завтра разоблачите важную коммерческую тайну или производственный секрет!..

— Но, мист...

Зав поднял руку:

— Подождите. Не горячитесь. Я ведь не говорю, что отказываюсь давать вам какие бы то ни было сведения. Совершенно напротив, и даже наоборот. Но давайте условимся: виза! Все необходимые вам данные вы будете получать у моего секретаря, он же и заведующий нашим пресс-бюро... А когда напишете заметку, — дадите мне ее на просмотр, подпись и визу. Таким образом печать будет обеспечена исчерпывающей и правильной информацией. Это — в наших общих интересах.

— Хорошо, но...

— Вот и прекрасно, — сказал, приветливо улыбаясь, зав. — Значит, мы с вами договорились. Пишите, критикуйте, разоблачайте, указывайте на недостатки: не возражаю. Но сведения должны быть проверены. А критика не должна быть легкомысленной. Ну, пока...

Вечером я сдал в редакцию исчерпывающую заметку:

«...Несмотря на объективные затруднения, работа заметно налаживается. Благодаря выдающейся энергии заведующего тов. Чемберлена, производственная программа в общем и целом выполнена, а накладные расходы сведены к желательному минимуму. По инициативе тов. Чемберлена, намечен ряд мер, гарантирующих в дальнейшем бесперебойное и безубыточное развертывание производства, а также проведение режима строжайшей экономии и повышение производительности труда на 30 про-

К РЕЖИМУ ЭКОНОМИИ

Рис. Ю. Г.

АГЕНТЫ ПО СБОРУ ОБЪЯВЛЕНИЙ:

— Никто не даст нам объявления — Ни ГУМ, ни ЦУЛП и ни Мосстрой!..

центов. Имеется ряд значительных достижений, большую часть которых необходимо приписать талантливому руководству тов. Чемберлена, прилагающего все усилия к тому, чтобы дело было поставлено на должную высоту.

Редактор не внес в заметку никаких поправок и смягчений, потому что на ней значилась разрешительная виза:

«Препятствий к опубликованию не встречаю. Зав. О. Чемберлен».

Грамен.

„ПИСАТЕЛЬ“

Заплатив пятак заветный,
Развернул он лист газетный
И весьма неторопливо погрузиться в чтение стал.
Заглянул в денкеты строго
(Что-де есть насчет налога...),
Прочитал про „хулиганство“, „ограбление“ и „скандал“.
Бросил взгляд на телеграммы:
— За границу лают, хамы...
Вот теперь от заграницы, ждите, будет вам кредит!..
Обзвев карикатуру,
Обругал цензуру-дуру...
Что зевает!.. Зубоснальство всюду лезет и вредит!..
И в читательском зыбстве
Подавился вдруг на фразе:
— Безобразье!.. Что-же это?.. Нет, позвольте, это что-с?..

„У Кондыбина в лабазе
В чечевиче — комья грязи...
От мышинного помета даже пестрым стал овес!..
Ишь ты, липовые черти,
С ними сдохнешь раньше смерти!..
Уж проиухали, мерзавцы!.. Ну, стой-же! Ну, добро!..
Вдохновенье накатило;
— Сенька дьявол, дай чернило!..
Завозилось на бумаге оснорбленное перо.
И, родив „опровержение“,
Результат души брожения,
Бандеролью ваканною он в редакцию послал...
И в ливной „Звезда Спартака“,
Запивая пивом рана,
Вечером в „своей компании“ скромно лагры поминал...“

М. АНДР.

ДРУЖЕСКИЕ ЭПИГРАММЫ

ТОВ. СОСНОВСКОМУ

О, как доступны славы розы,
Лишь стоит подписать порой
Редакционные курьезы
С-в-о-ею с-о-бственной р-у-к-ой.

ДЕМЬЯНУ БЕДНОМУ

Социализма путь победен,
Но гений — нищему не брат,
И вот Демьян уже не беден,
А Госиздат уж не богат.

Товарищи! Я не оратор,
Но, право, не могу молчать,
Когда последний регистратор
Жестоко давит на печать.

★

В день именин, совсем некстати,
Снажу работникам пера:
— Давайте не кричать «ура!»
Хотя бы ради «Дня печати».

Октябрев Савелий.

**ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ ГРАЖДАНИНА
САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА**

(Записанные в канун празднования Дня печати)

Публикация в газете помогает вернуть утерянные документы. Но трудно посредством газетной публикации вернуть утерянное доброе имя.

Что плохого в том, что некоторые литераторы и журналисты зарабатывают на мертвых? Ведь не осуждаем же мы гробовщиков и могильщиков.

Начальник, желающий помочь печати, должен создать при своем учреждении пресс-бюро.

Многим нашим сатирическим журналам не мешало бы завести хотя бы страничку сатиры и юмора.

Напрасно говорят, что мясо акулы неприятно. Многие газетчики до сих пор успешно питаются «акулами империализма».

Если увидишь в газете под черным пятном подпись: — «Новый французский премьер» — не верь глазам своим.

И бюро погоды может иногда сказать правду.

Если в иллюстрированном еженедельнике слишком часто повторяется портрет какого-нибудь литератора, — не думай наивно, что это корифей литературы. Это просто секретарь редакции или сам редактор.

Один мой приятель, прочитавши пачку журналов, сказал со вздохом: «Что ж... И журналистам есть надо... Разве они не люди?».

Читателю приятно, когда писатель глупее его. Слишком умных писателей читатель не любит.

Непечатная литература процветает и в день печати.

Беспартийный Савелий Октябрев.

Рис. К. Е.

— Милый! Ты хоть ради Дня печати печать на бумажку поставь... Вторую неделю хожу.

... КАИНОВА ПЕЧАТЬ.

**КОЕ-ЧТО ОПЕЧАТИ ВООБЩЕ И
О „КРОКОДИЛЕ“ В ЧАСТНОСТИ**

Некий редактор заметил уныло, помещая в газете циркуляры без конца:

— Да! Печать — великая сила, особенно казенного образца!

Некий начальник, привыкший кричать и делать без толку замечания, говорил подчиненным:

— Я люблю печать, но только... печать молчания!

Скрывший доходы спекулянт и вор говорил:

— Вы меня извините, но печать хороша только до тех пор, пока ее не взял судебный исполнитель!

Не соглашаясь с приведенными мнениями,

САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ „КРОКОДИЛ“ заявляет, что тем не менее он любит печать изо всех своих сил и будет биться зубами и вилами со всеми „печатными убийцами и громилами“.

И, как и прежде, зарвавшиеся царьки, помпадурсы, волокитчики и слякоть быта, дураки просто и совдураки—

„ВИЛАМИ В БОК“— будут пробиты.

*Если „Крокодил“ тебе по нраву,
Если он тебе дорог и мил,
Читатель, пойдем на врагов облавой!
Читай „Крокодил“! Пиши в „Крокодил“!
Вместе с тобою, стоя на отраже,
Ядом сатиры смочишь копы,
Силу печати мы докажем
Всем, кто не водит в оилу во!*

А теперь маленькое отступление, чтобы не тратить места на объявление. Если хочешь на „КРОКОДИЛ“ подписаться, на всякий случай напомним опять: **ОТДЕЛЬНЫЙ № СТОИТ 12, А В МЕСЯЦ ВСЕГО 45.** (Не пугайся, читатель, будь смелей—45 копеек, а не рублей).

И ЖИТЬ ТОРОПИТСЯ И ЧУВСТВОВАТЬ СПЕШИТ

Рис. Ю. Ганфа.

(Посвящается т.т. репортерам)

РЕПОРТЕР:—Чорт побери! Завтра уже 29 апреля, а я еще не написал первомайского отчета! Пора бы уж о „Дни печати“ отчет начать стряпать,—ведь 5 мая на носу!

БОЛЬШОЙ ЗАГИБ

Трудно наладить смычку с деревней, если у нас будут допускаться и впредь такие жестоко-сти и насилия рабочих над крестьянами, о ко-торых сообщает «Правда» в № 57.

ТУЛА, 9 марта. Судаковский завод расположен в 9 верстах от Тулы, на ли-нии Московско-Курской ж. д. До рево-люции на заводе было занято несколько тысяч рабочих. Железная руда добы-вается рабочими из местных крестьян.

Вот где, действительно, надо вопить: «Охра-на труда, не спи!».

КОЗЛЫ И СОРОКИ

О предполагаемой в постройке железнодо-рожной линии Котлас—Сорока существуют самые различные толки. «Вечерняя Москва» говорит такое:

«Линия Котлас—Сорока, протяжением 750 километров, свяжет Сибирь с Мур-манским портом. Линия Званка—Сорока, протяжением 850 километров, свяжет Ле-нинград с головным участком Сибири».

А «Известия» чешут еще занятнее:

«Линия Козлы—Сорока протяжением в 550 километров»...

Жители Котласа читают, как их городок пе-реименовали в Козлы, да и говорят про москов-ских газетчиков: «Сами вы козлы! Да еще из тех, которых в огород пускать не следует».

ОТКРЫЛИ АМЕРИКУ

В № 11 журнала «Металлист» на-печатано такое научное открытие:

«Индустриальное могущество Америки создано на костях ту-земцев этой страны — негров».

Пионеры, и те прекрасно знают, что туземцы в Америке майя-ридов-ские индейцы, а не негры. Тревожить их кости не следует даже в том слу-чае, если у автора язык без костей.

УЧИТЬСЯ НАДО!

Газета «Трудовая Абхазия» в № 20 сооб-щает об изумительном факте:

«По открытии занавеса сцены, на ко-торой помещается президиум, все при-сутствующие встают. Оркестр исполняет Интернационал на армянском языке».

Итак, оркестр заговорил человеческим язы-ком. А когда же им заговорит газета? И почему бы ей не брать уроков, например, у барабана?

СНОВА О ТОМ ЖЕ

Сотрудники Владимирского губстатбюро че-рез местным выписали «Нашу Газету».

Послали 35 руб. 50 коп. еще в нача-ле декабря. Несмотря на отношения, за-казные письма, телеграммы,—ответа нет.

Очевидно, дорогие сотрудники статбюро, «Наша Газета» вашей не будет.

100 ПРОЦЕНТОВ ПРИБЫЛИ

Жадные люди сидят в торгсекторе Госиздата. Судите сами:

«Еще 27 января 1926 года выписали мы из торгсектора Госиздата пьесы для драмкружка Агробаза, Сев.-Кав. край. Все честь честью,—послали требование и пять рублей задатку, но до сих пор, не-смотря на то, что вторично запросили письмом, ответа нет и нет».

Нехорошо, товарищи из Госиздата. Хоть бы письмецо послали. Ведь почтовая марка всего-на-все стоит восемь копеек. А вам чистого ба-рыша осталось бы 4 рубля 92 коп.

До чего «режим экономии» доводит иных людей!

ПУШКИН:—Не понимаю, в чем дело? Оглох я, что-ли? Который год уже хороших стихов не слышу!

КОСТРОМСКИЕ ФРАНЦУЗЫ

Костромская «Северная Правда», в № 62, напечатала приветствие, присланное костром-ским рабочим т.т. Кашеном и Барбюссом, в при-мечании сообщает:

Переводы приветственных писем т.т. Бар-бюсс и Кашен в «Северной Правде» исполнены французским классом ко-стромских иностранных языков».

Любопытно, что получилось бы, если б при-ветственные письма т.т. Барбюсса и Кашена перевести «французским классом» тамбовских или тверских иностранных языков.

Наверно, что-нибудь обидное для «Северной Правды».

ДОСТОВЕРНЫЕ «ИЗВЕСТИЯ»

В «Известиях» из отчета о деле убийц Ка-раваева читаем:

«Некоторые врачи слышали от самого Караваева, что он убит союзниками».

В отделе смеси еще понятно, если убитый разговаривает, но в судебном отчете как-то не того...

СРЕДСТВО ПРОТИВ ВОРОВ

Обижаются читатели на газету «Диктатура Труда» (Донбасс) и спрашивают нас, зачем это они в отделе происшествий печатают одно и то же два раза:

«На Карьерной улице, д. № 15, неизве-стные злоумышленники посредством взлома замка проникли в квартиру гр. Шаблевского, Франца, и похитили раз-ных вещей на 400 руб.»—и под этой же заметкой опять то же самое».

Чтобы крепче злоумышленников пристыдить!

АЭРОРАДИОХИМВОЛОКИТА

Оказывается, хорошие условия транспорта еще не все:

«Группа членов Аэрорадиоохима ячей-ки Псковского губисполкома собрала 18 р. 30 коп. и выписала следующие жур-налы: «Красные Крылья», «Самолет» и «Радио». Однако до сих пор, несмотря на многочисленные запросы, ни журна-лов, ни ответов из редакций нет».

Действительно, удивительная волокита, при-нимая во внимание молниеносные способы сооб-щения, имеющиеся у редакций — красные крылья, самолет, радио.

НА ОГОНЕК

«Огонек» в заботах о трехлетнем своем юби-лее разослал пространный циркуляр своим контрагентам, в котором говорится, между про-чим:

«Мы были бы очень рады встретить и от вас тот или иной телеграфный от-клик на трехлетие «Огонька». В вашем отклике мы хотели бы найти не только столь естественное приветствие «Огонь-ку», но также пожелание и узнать ваше мнение об «Огоньке».

Контрагенты—что! Они, конечно, откликнутся и «естественными» при-ветствиями, и пожеланиями, и мне-ниями. Во-первых, они люди зависи-мые, а во-вторых... «Огонька» не читают. Вот подписчиков бы спроси-ли. — Хотя кто сам себе враг?

ПО ЛИНИЯМ РУКИ

Газета «Красное Черноморье», в гор. Новороссийске, от 25 марта пи-шет:

«26 марта в Москве закрылся VII все-союзный съезд комсомола. На заключи-тельном заседании съезда...» и т. д.

Интересно было бы узнать у редактора «Красного Черноморья»: какого числа и года на-чнется следующая мировая война? И кто будет редактором «Красного Черноморья»?

БИТЬ В НАБАТ

Из статьи, помещенной в «Псковском На-бате»:

«Пленум констатировал, что основным недостатком дальнейшего развития на-ших предприятий является неимение основного капитала».

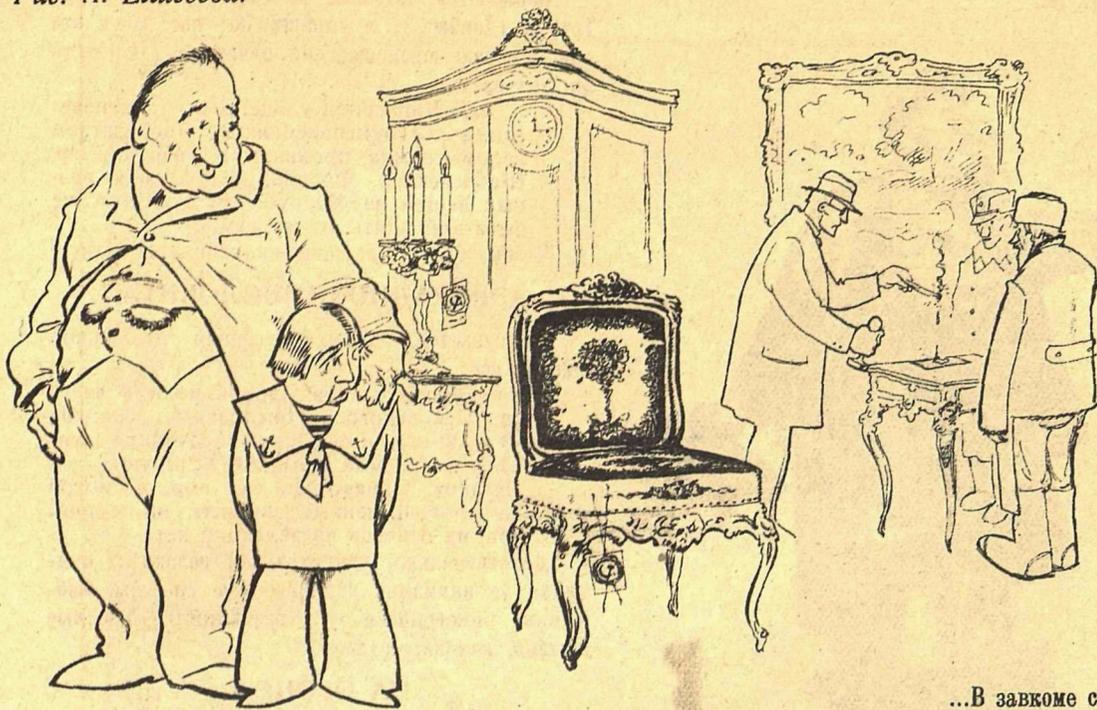
Основным недостатком редакции, несомненно, является небрежность во время просмотра ста-тей.

ДОБРЫЕ ГАЗЕТЧИКИ

Вечерний выпуск «Известий» (Одесса) сооб-щает следующее:

«Итальянский автомобилист Вард, пы-тавшийся побить рекорд пробега в 40.000 километров, уснул от усталости у руля своего автомобиля, проехав 8.239 килом. Автомобиль, двигавшийся со скоростью 100 километров в час, свернул с пути, но Вард отделался лишь легки-ми ушибами».

Выходит, что автомобилист мчался в спя-щем состоянии приблизительно 82 часа. И все-таки отделался легкими ушибами... Вот уж дей-ствительно, страшен был сон, но милостивы «Известия». В самом деле, а что стоило храни-телю этой уважаемой газеты разбить вдреиз го-лову автомобилисту? Один росчерк пера...

— Папа, что это они там делают?

НЭПМАН: — Ничего, милый. Сегодня у нас тоже день печати.

ПЕЧАТЬ—ВЕЛИКАЯ СИЛА

После появления в «Крокодиле» заметок о беспорядках на Ярцевской мануфактурной фабрике (Смоленская губ.) с фабрики уволен наш рабкор тов. Колбасов «по сокращению штатов». Тов. Колбасов служил на фабрике с 1914 года. (Факт не столько невероятный, сколько явно преступный).

Возвращения директора фабрики из Москвы в бухгалтерии ждали с превеликим трепетом:

— Ох, пропали наши головушки. Прочитает заметочку...

— Что-ж что прочитает. Товарищ директор и раньше изволили про это быть осведомленными!

— Чудак вы, как погляжу я на вас! — мрачно изрек главбух: — не в нас дело, а в той нравственной морали, которая пущена. За нее и ответим. Ежели бы не была пущена, — что же? А как мораль есть — крышка. Печать, что ни говорите, — великая сила...

Предчувствие страшного директорского гнева стучалось на лицах высоких, средних и малых бухгалтерских чинов в дикую тоску и уныние. И лишь один молоденький второй секретарь дирекции мило, но мягко улыбался, как человек, знающий что-то такое, что для всех других должно было оставаться книгой за семью печатями.

— Печать — великая сила! — вежливо подтвердил он, кивая головой, и добавил: — особенно, ежели она...

...Директор прямо с поезда прошел в кабинет, и вежливо улыбающийся второй секретарь немедленно туда же созвал бухгалтерию:

— Па-а-любуйтесь! — швырнул директор на стол номер журнала с роковой заметкой о незаконных выдачах казенных денег. Присутствующие ударились в дрожь.

— Кому? — строго спросил директор.

— А-ва-ва... Мне... вот им, за дочку платили... за отпуск использованный и неиспользованный... и другие тоже...

— Кому, я вас спрашиваю?!

— Еще... ту-ут не напечатано... другим...

— Кому принадлежит эта заметка? Какой мерзавец?

Стыдливо опустили головы маститые бухи, их помы и завы, ибо как знать, чего не знаешь. И только второй секретарь, являя взгляд веселый, но без улыбки, вкрадчивым, влезавшим без мыла в любое место голо-сом, в котором сочетались печальная нежность и преданность до гроба, сладко пропел:

— Осмелюсь доложить, товарищ директор: Колбасов это писал! Заходил как-то рабкоровский председатель с бумагами. Положил их на стол, заговорился, а я и заглянул, — чей, мол, почерк на бумагах. Колбасова почерк, товарищ директор.

— Колбасов... — прогремел директор: — Колбасов... Пусть колбасой и катится с фабрики, — на то он и Колбасов. По непригодности к занимаемой. Понятно?

— Осмелюсь почтительно доложить — с работой справляется! Как бы протеста со стороны завкома не было?! — доложил бух.

— Дать такую, чтобы не справлялся! — положил резолюцию директор.

В былое время каждый беллетрист, Столкнувшись в первый раз с редакционным роком,

Дрожал, как веточка, и трепетал, как лист, Перед редакторским пытливым оком. Редактор же, Глазами чуть скользя, Гласил, как пифия, седлавшая треножник: — «Любезный! В наши дни так сочинять нельзя!.. Так мыслит лишь кузнец! Так пишет лишь сапожник!».

Теперь все иначе! Эстетике—конец!!! Куда ни взглянь — в «Прибое» ль, в Госиз-дате ль,

Редактор требует (а с ним и критик-спец), Чтоб, как сапожник, сочинял писатель, А мыслит бы, как слесарь и кузнец... Оно понятно:—в наше время Муза Жить не должна вне рамок профсоюза!..

Прозаик, Сам пойми и раз'ясни для прочих: О чем угодно сочиняй тайком, Но вслух пиши романы о рабочих Так называемым «рабочим» языком... Тогда в Главлите не страшись подвоха — Все будет хорошо, хотя б и было плохо!..

ЯГА.

...В завкоме стоял Колбасов и говорил:

— Только имейте, товарищи, в виду, что меня скоро с фабрики выгонят по такому плану: сперва вот работу дадут трудную, чтобы я не справился. Но как я знаю, что справлюсь и с этой работой, то на случай решили дать мне еще двух помощников, а потом меня по сокращению штатов. Имейте в виду, товарищи.

— Что ты, товарищ дорогой?! Да разве ж возможно, чтобы за рабкорство увольнять! Кто же позволит?! Печать, брат, великая сила!

16 марта 1926 года РКК при Ярцевской прядильно-ткацкой фабрике слушала заявление тов. Колбасова о неправильном его увольнении и постановила: в виду недостигнутого соглашения, вопрос передать на новое рассмотрение в установленном конфликтном порядке.

А у дирекции Ярцевской мануфактуры — свой порядок, тоже установленный...

— Печать — великая сила! — подмигнул бух второму секретарю, скрепляя приказ об увольнении Колбасова.

— Особливо, ежели она — директорская! — веско сказал послышавший второй секретарь, ставя директорскую печать на приказ об увольнении.

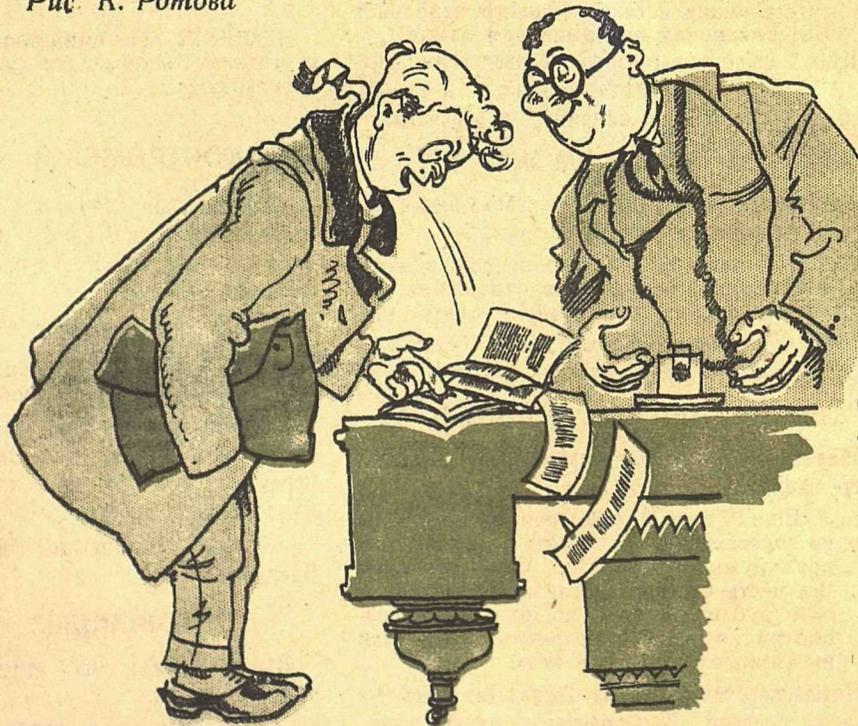
Может быть, товарищи из Смоленской прокуратуры раз'яснят нам, рабочим Ярцевской фабрики и ее дирекции:

— Правда ли, что вся сила в круглой печати дирекции Ярцевской фабрики?

Вл. Павлов.

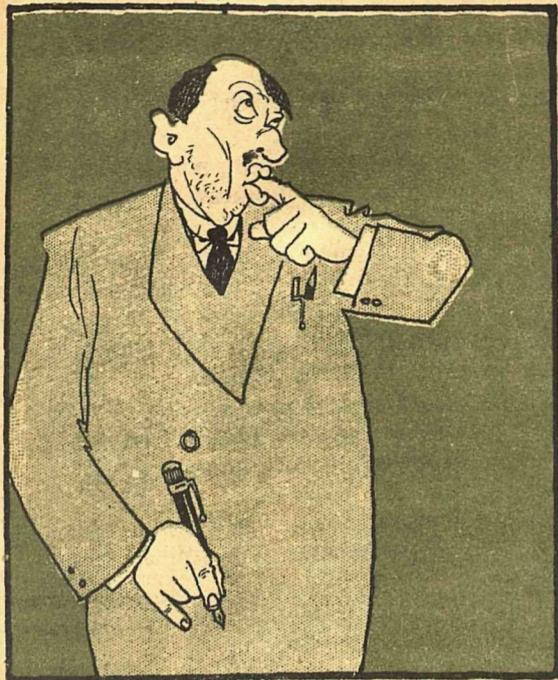
ИЗДАТЕЛЬСКОЕ

Рис. К. Ротова

ЗАВЕД. ИЗДАТЕЛЬСТВОМ:—Мы же не виноваты, что в сборник вкралась досадная перепечатка. **АВТОР:**— Не вкралась—а укралась! И за кражу вы будете отвечать!

Рис К. Ротова.

1) Прежде всего нужно высосать из пальца тему.

2) Затем взять с потолка несколько цифр.

ИДИЛЛИЯ

В журнале «Искусство Трудящимся» мы нашли такой восторженный отзыв об А. В. Луначарском:

О Луначарском будут писать впоследствии целые книги. Нет той сферы умственной деятельности, в которой так или иначе не сказалось бы его влияние. Но едва ли кто-нибудь может оспаривать первенство у искусства.

Он не только принадлежит к числу тонких и глубоких знатоков искусства, он — сам поэт.

Луначарский — марксист по своему мировоззрению. Он один из самых блестящих апологетов марксизма. Он последовательно проводит это учение во всех своих статьях с неопровержимой логической убедительностью. Но этого было бы мало для того, чтобы объяснить обаяние, которым он пользуется среди деятелей искусства.

Кроме всех этих превосходных качеств, нужно еще отметить, что А. В. Луначарский является и редактором журнала «Искусство Трудящимся», из передовой которого мы и привели напечатанные выдержки.

В „ДЕНЬ ПЕЧАТИ“

I.

...«Общегородская конференция рабселькоров, посвященная Дню печати, открылась обстоятельным докладом члена президиума губисполкома т. Огурцова о задачах наших газет. Указав в своем докладе на роль и значение газеты, как коллективного организатора, т. Огурцов подробно остановился на рабселькорском движении, знаменующем и крепящем собою действительную связь советско-партийной печати с широчайшими массами рабочих и крестьян (аплодисменты). «Выньте из наших газет рабселькорский материал, — говорит т. Огурцов под бурные аплодисменты собрания, — вы вынете из них жизнь, вы превратите их в сухой канцелярский исходящий журнал, вы обезличите три четверти их содержания! В настоящее время, на девятом году существования Советской власти, мы можем с полным правом утверждать, что наша рабоче-крестьянская печать непосредственно, прочно и тесно связана с рабоче-крестьянским читателем, что живой материал рабкора и селькора является той основой содержания наших газет, без которой»...

II.

— Сдавайте в набор, — сказал редактор секретарю, дочитав до «без которой». — Что ж тут читать, когда сам Огурцов выправлял? Вы же видите: «аплодисменты» и «под бурные аплодисменты собрания» его рукой вписаны...

Секретарь шмыганул рукой под носом и пояснил:

— Не в том дело, Андрей Семеныч, но ведь тут на четыреста строк. Куда ж всунем-то? Я и думал: нельзя ли подсократить как-нибудь...

— Чтоб Огурцов завтра на стенку полез?.. Нет уж, оставьте так, как есть. Лучше спросите по телефону, нельзя ли отложить до 7-го. Сегодня дадим небольшую заметку, а завтра...

— Невозможно. Сам звонил с полчаса назад: настаивает, чтобы в этом номере полностью.

— Ну, тогда что ж... Придется что-нибудь снять. «Обязательное постановление» нельзя задержать на один номер? Полтора строка все-таки...

— И думать нечего! Требуют, чтобы срочно. Сами знаете: уж если прислано в конверте «строго секретно» и с прошивкой, то как тут задержишь?

— Ну, тогда что ж... Странный вы человек, ей-богу! Необходимо поместить, ну, значит, необходимо!

— Так-то оно так... — согласился секретарь. — Но ведь передовицы не снимешь?.. И в ТАСС'овском материале нечего выкинуть, собственно говоря. Значит, как же? Опять без рабселькорских заметок выпустим номер?..

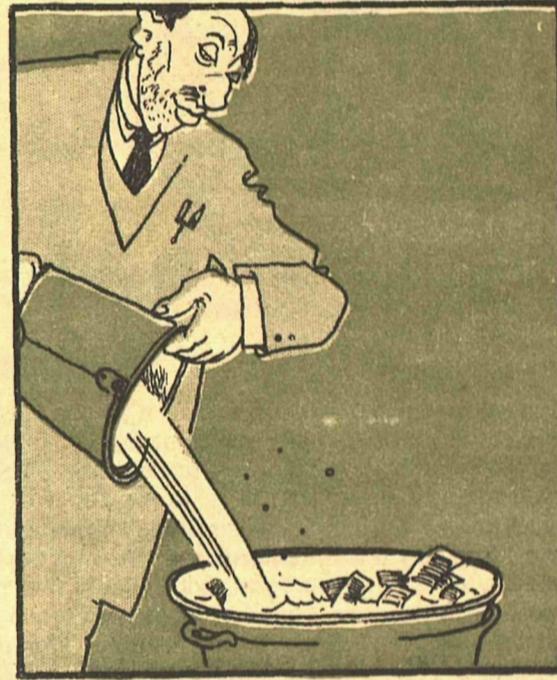
Редактор пожал плечами, заглянул в разметку, подумал — и рассердился:

— «Без рабселькорских, без рабселькорских!» Что же я-то могу поделать? На стенке, что ли, печатать их?

Никита Крышкин.

3) Нашпиговать все это цитатами и вырезками из чужих статей.

4) Разбавить как следует водой — и статья готова. Соли в этом кушаньи никогда не бывает.

В КОРЕНЬ И ПОД

Бумага все терпит.

Большие новости узнаются не из газет.

Еще раз скажу — наши газеты неустанно свидетельствуют, что казенщина у нас развивается.

Циркуляры газетами не бывают, а газеты циркулярами — сколько угодно!

Б. Сам.

МЕЖДУ РЕПОРТЕРАМИ

— Из-за чего тебя уволили?

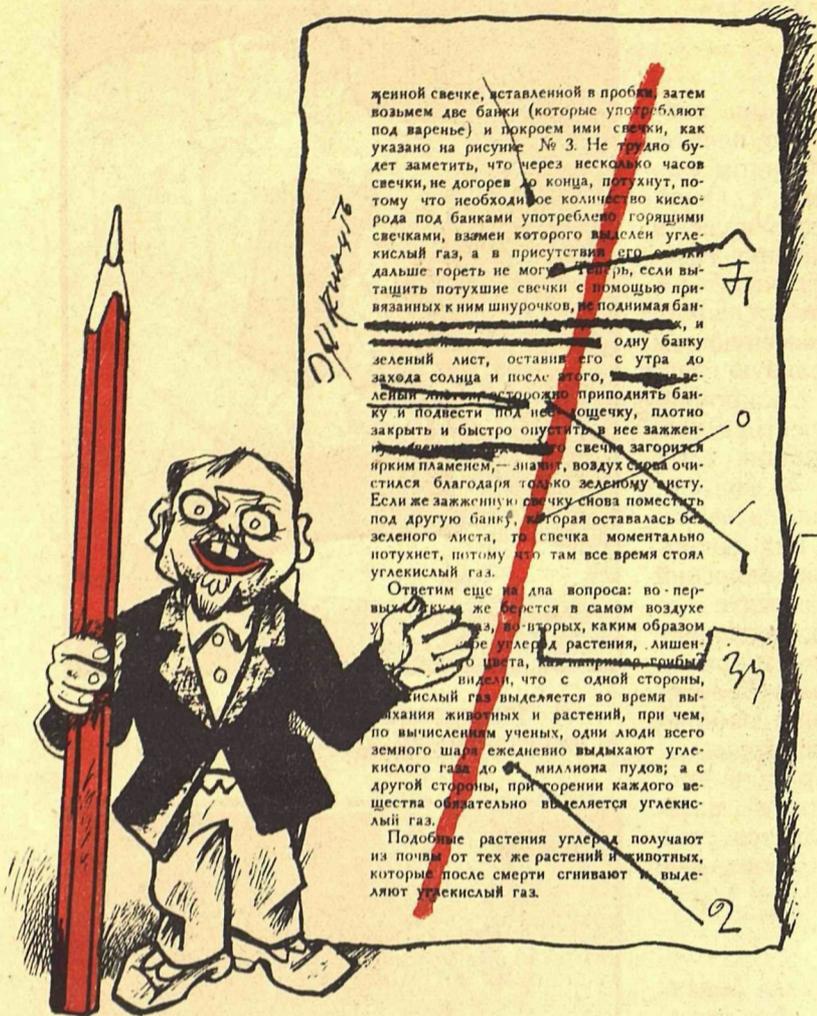
— Из-за одного маленького «не».

— То-есть?

— Я сообщил, что состоялись похороны, оказывается, они не состоялись.

НЕОГРАНИЧЕННОЕ. УСЕРДИЕ

Рис. Ив. Малютина.

ЦЕНЗОР:—По-моему, через всю эту статью красной нитью проходит ограниченность.

НЕБЫЛИЦА В ЛИЦАХ

На волостном с'езде советов в порядке дня между прочим стоял вопрос о рабселькоровском движении. Доклад делал заведующий отделом управления Уисполкома, делал по всем правилам искусства и одобренным в Укоме тезисам, т. е. затронув вопрос о роли печати, перешел к вопросу о рабселькорах и, остановившись в особенности на селькорах, подчеркнул роль селькоров, как разоблачителей, отметив вместе с тем, что селькоры должны писать и о достижениях советской власти; приведя ряд цифр, говорящих о росте селькоров в уезде, докладчик указал на необходимость всемерной поддержки селькорам и в заключение сослался на «Новый великий почин».

Ферапонт Пестряков, бывший, настоящий и будущий председатель Заренавстречевского, Гниловыселковского тож, волисполкома, председательствовавший на с'езде, во время речи оратора чувствовал себя как-то неловко, ерзал на стуле, пил воду из графина, хотя и знал, что не для него она поставлена, а для оратора, у которого слюны не хватит, — словом, проявлял явное беспокойство:

— Не иначе, — про Игнашку из Коровьего Брода в уезде дознались! Говорил ведь тамошнему председателю — уйми свою селькора, — нет тебе! Вот и дошло до управления!

На уездном с'езде советов доклад о рабселькорах делал губпрокурор. Уже при одном известии об этом Ферапонт Пестряков совершенно обмяк, почувствовал сильнейшую изжогу и боль под ложечкой. Когда же прокурор начал говорить о судебных делах, возникших по замечкам рабселькоров, у Ферапонта по зашкурью побежал мороз:

— До чего доводят гады! И сколько же от них преступлений!

Расстроенный Ферапонт ни по одному докладу не выступал, тянул руку кверху за большинством, потому и был избран делегатом на губернский с'езд советов. На с'езде доклад о международном и внутреннем делал нарком.

Ферапонт, сладко расплывшись в счастливую улыбку, внезапно прерывал оратора аплодисментами, не вслушиваясь

в его слова, радуясь лишь их беззапиночному течению: вот в ушах замелькало уже внутреннее—развертывание промышленности, под'ем сельского хозяйства, ликвидация неграмотности, волостной бюджет и вдруг... Ферапонт подскочил на месте и замер: нарком заговорил о селькорах...

— Зарезал Игнашка! Нарком—и тот знает!

А нарком уже заканчивал:

— Товарищи! Советская власть принимает все меры. И вы, представители ее на местах, должны принять все меры к тому, чтобы рабселькоры...

— Примем, товарищ нарком!!! Верьте истинному, — все меры примем!!! — надрывный вопль Ферапонта прервал речь наркома и стоном пронесся над залом заседаний, вызвав бурю аплодисментов и предоставив возможность наркому эффектно закончить свой четырехчасовой доклад.

Пока с'езд советов заслушивал протягновенную резолюцию по докладу наркома, Ферапонт уже увязывал в общезжитии свой узелок и с первым же поездом возвратился в Заренавстречевский волисполком. На утро всем председельствам были разосланы приглашения явиться в волисполком для заслушания. Одновременно был вызван для той же цели и начальник волмилиции.

Свою речь Ферапонт начал попросту, по-отечески обращаясь прямо к председателю Коровьего Брода:

— Ты что ж это, Степан? Об двух головах, что ли?! Слыхал, что про твоего Игнашку говорено было на нашем с'езде?!

— Виноват, Ферапонт Никоньч, не доглядел по глупости: писал он про многополье, — нехай, думаю, пишет, — собака, мол, лает...

— А знаешь ли ты, что твой Игнашка не токмо губернского прокурора обеспокоил...

— Господи исусе христе...

— ...до самого наркома дело дошло?!?

Оцепенелое молчание было прервано, наконец, начальником милиции: — Игнашку — в два счета, Ферапонт Никоньч!

— Игнашку, Игнашку! А сколько их, таких Игнашковых, по нашим деревням шьется? Что говорил товарищ Задержалов? — «Растет, — говорит, — и ширится. И в каждой, — говорит, — деревне». А как стал прокурор считать, сколько от них преступлений, — волосы зашевелились!.. И сам товарищ нарком сказал: — «примите, — говорит, — сторожающие меры!».

— На ем, на чорте, не написано... Нешто его узнаешь?.. Кабы почту просматривать... Ежели б газеты публиковали, который...

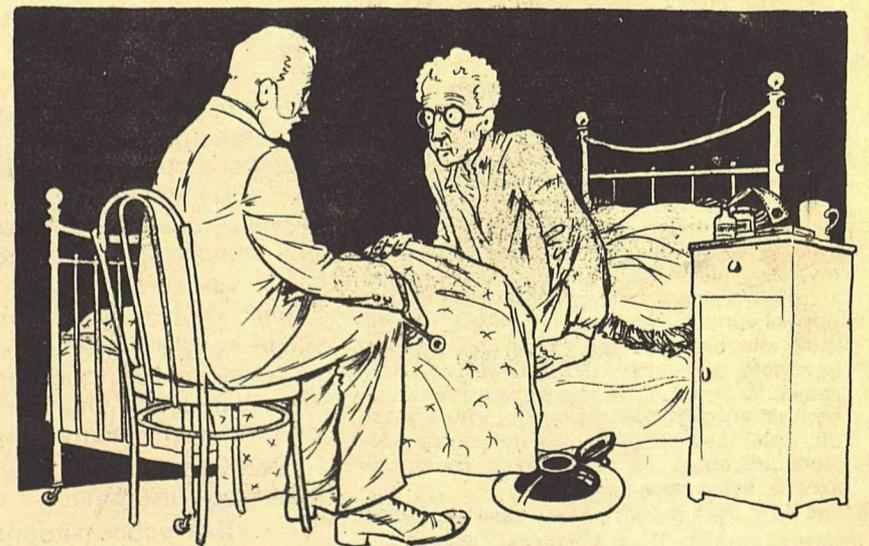
Собрание галдело. Ферапонт строго посмотрел и сказал:

— Там—ваше дело, а у меня, чтобы ни-ни! Нарком сказал — на местах виднее. Никаких Игнашковых!

Так в Заренавстречевской волости поняли вопрос о селькорах... Впрочем, не только этого не было, да и волости-то такой не существует.

ВЛАП.

Рис. К. Елисева.

ДОКТОР (писателю):—Вы вполне здоровы. Только вот язык ваш мне не нравится. Нехороший язык.

РАБОТНИКИ ПЕЧАТИ (Т И П Ы)

Рис. Ив. Малютина.

1. ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР. Опиум, — вроде бога. Вездесущ, всезнающ, всеподписывающ, но невидим. В пище умерен. Питается преимущественно гранками. В день съедает два-три столбца, при чем вместо вилки служит ему красный карандаш. На редакционные заседания попадает раз в год и то по ошибке. Узнав, что здесь заседают редакция, извиняется и уходит. Ни статей, ни рассказов, ни стихов не пишет, но по долгу службы в каждый номер аккуратно дает... свою подпись.

2. ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ. Сорокоручка. Платье шьет по особому заказу, при чем на каждый вершок пиджака приходится по два кармана, а из каждого кармана торчит по четыре рукописи (400 вершков по два кармана \times 4 рукописи = 3.200 рукописей). По телефону говорит разными голосами: своим, когда звонит автор, чья рукопись принята, и чужим, когда звонит автор отвергнутой рукописи.

3. ФЕЛЬЕТОНИСТ-САТИРИК. Пишет веселые фельетоны, что дает ему право быть всегда мрачным.

4. РЕПОРТЕР. Отчаянная личность. Кормится всем чем попало — от выгребной ямы («На что смотрит Наркомздрав?») до крушения поезда железной дороги («Перемените стрелочника!»). Живет ногами. Часто ногами же и пишет—во всяком случае на то похоже.

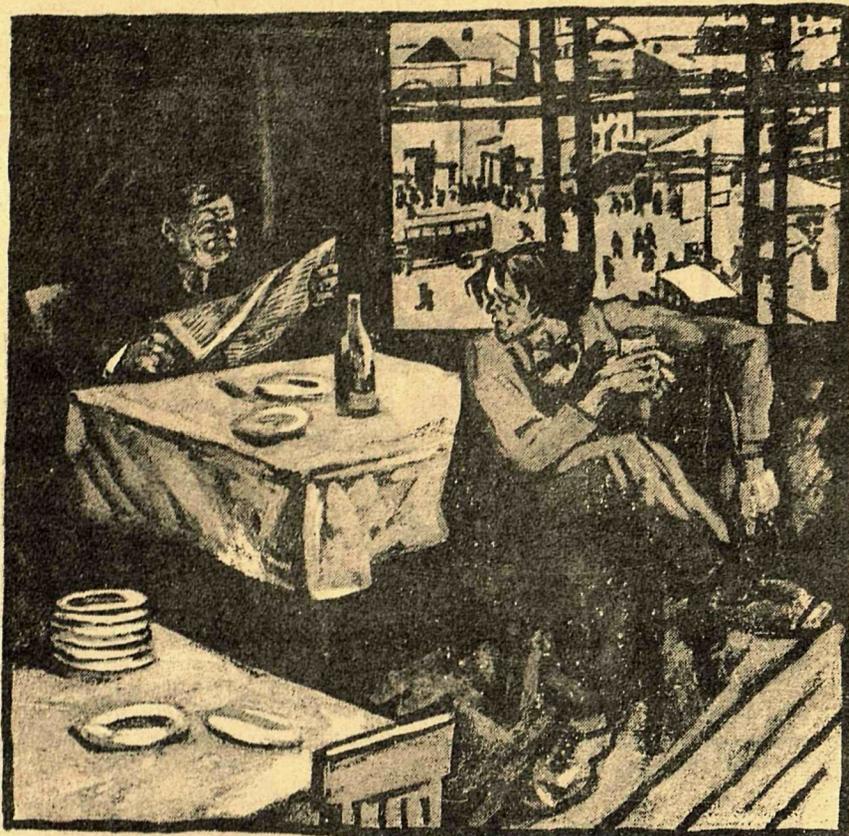
5. АГЕНТ ПО СБОРУ ОБЪЯВЛЕНИЙ. Человек, который любит говорить, что он кормит литераторов, поэтому и себя он считает литературным работником.

6. ВЫПУСКАЮЩИЙ. «Козел отпущения». Самое ответственное лицо. Ибо он отвечает за все. За просыпанный наборщиком набор. За неудавшуюся отливку стереотипа. За задержанный в редакции материал. Не забудьте, — его зовут «выпускающий».

ТОЖЕ ПИСАТЕЛЬ

Рис. М. Храпковского.

— Не везет нашей молодой литературе... Есенин погиб, Фурманов умер... и мне что-то нездоровится.

ХОРОШЕЕ МНЕНИЕ

Фельетонист еженедельного юмористического журнала «Сапог» — Петухов ехал на Кавказ в месячный отпуск. Возможно потому, что Петухов еще с юных лет страдал несварением желудка; возможно потому, что у него перед самым отъездом в конторе вычли аванс, а возможно — и по другим причинам (чорт его знает), но Петухов с самой Москвы лежал мрачный на верхней полке, курил и спал. Спал и курил. И лишь только в Тамбове Петухов оживился, — он увидел в руках пассажира, сидящего внизу, последний номер «Сапога».

— Любопытно, любопытно последить за читателем, — подумал он, — как действует наш журналчик. Интересно, очень интересно.

И когда читатель быстро переворачивал страницы «Сапога», Петухов говорил самому себе:

— Ясно, не останавливаться же ему на фельетоне Горлова. Халтура никого не привлечет. Приеду, обязательно расскажу в редакции, как его читают. То-то смеху будет... Ну, здесь стихи... И зачем только стихи печатают? Кому это нужно? — И вдруг Петухов прошептал радостно: «Ага, читает». Эта была страница, где был напечатан его фельетон. От волнения Петухов закурил папиросу и, не отрываясь, наблюдал за читателем.

— Как прочтет, сейчас же мы с ним поговорим. Как-никак, а надо знать мнение своего читателя, — решил он твердо.

— И чего он так долго читает? Хотя хорошую и интересную вещь можно и 2 и 3 раза прочесть...

Через полчаса Петухов с тревогой наблюдал за поникшим над его фельетоном читателем.

— Непонятно, почему так медленно читает? И фельетон коротенький?

И недолго думая, свесившись с полки, Петухов громко спросил:

— Ну, как? Понравился вам этот рассказик?

Пассажир встрепенулся так, как будто его кто-то больно ущипнул, и вскрикнул:

— А-а! Что-о? Какого чорта мешаете спать...

«Сапог» выпал из его рук. Храпящая читательская голова опрокинулась назад и качалась в такт убегающим колесам...

Б. Л.

ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ ГРАЖДАНИНА САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

(Записанные в камун празднования „Дня печати“)

Если хочешь называться писателем — называйся.

Литература — профессия свободная, но мало доходная.

Писатель! Если хочешь стать известным — умри!

Писателей хвалят и признают после смерти, потому что мертвый не может быть конкурентом.

Чтобы быть писателем, вовсе не надо обязательно писать. Можно просто председательствовать в литературных кружках и организациях.

Не всякий «писатель от станка» — действительно от станка и действительно писатель.

Некоторым писателям от станка — лучше было бы быть у станка.

Если не можешь написать ничего талантливого, учи других, как и о чем писать, и будешь получать гонорар.

Литераторы, которых читают десятки тысяч, неизвестны. Известны и признаны те, которых читают сотни.

Легче издать сотню глупых циркуляров, чем одну умную книгу.

В железнодорожном вагоне и пролетарский писатель может оказаться попутчиком.

Достоевский был эпилептиком. Но не всякий эпилептик может быть Достоевским.

Некоторые русские писатели пишут на языке, совсем не похожем на русский. В интересах литературы желательно было бы их всех перевести.

Красный цензорский карандаш, занесенный над плодами писательского вдохновения, подобен окровавленному щипцам хирурга. Но нет еще средства для предупреждения писательского зачатия.

Для освещения жизни и быта писателей в печати не вредно было бы учредить организацию пис-коров.

Беспартийный Савелий Октябрьев.

БЕЗ ПЕРЕМЕН

(За чтением газет)

— Ну, что новенького в газете?

— Ничего особенного. Все обстоит по-прежнему благополучно...

БЭС

УЧТИВОСТЬ.

РЕДАКТОР: — А я сегодня вас во сне видал...

РЕПОРТЕР: — Помилуйте! Это я должен был бы вас видеть!

ЕКА.

РАЗГОВОР В ТАСС'е

— Как вы находите нашу работу?

— Знаете, у вас еще не изжиты болезни «Роста».

В ПИСЧЕБУМАЖНОМ МАГАЗИНЕ

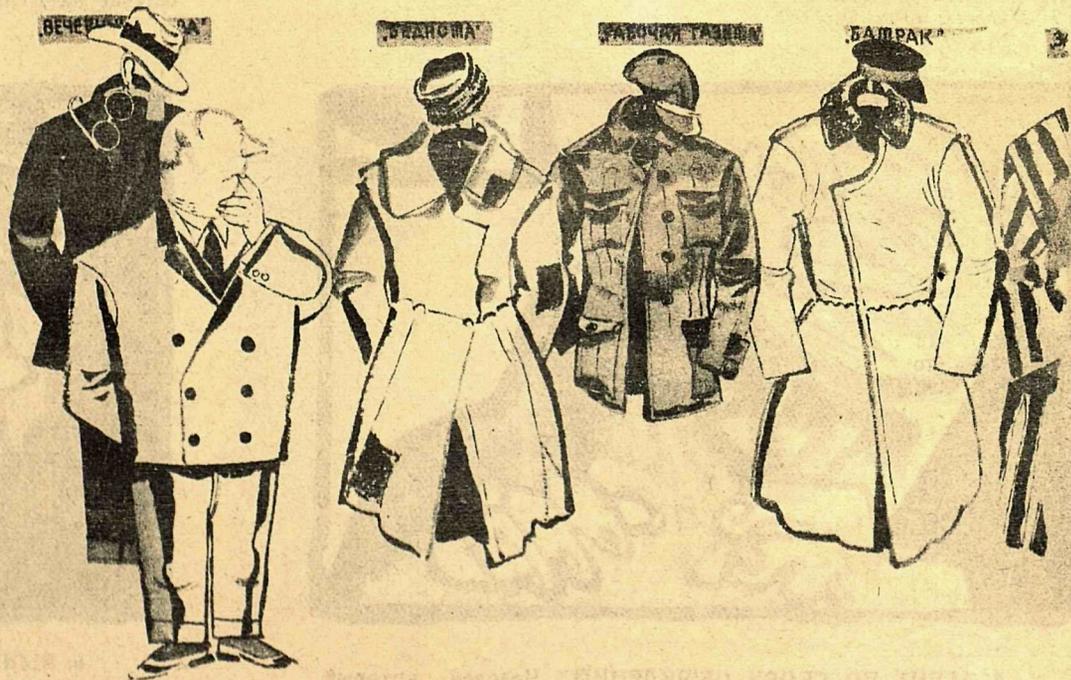
— Отпустите, пожалуйста: чернил, карандашей и бумаги для редакции «Вечерней Москвы», только тех, что мы брали прошлый раз.

— Копировальных?

БЭС

ГАРДЕРОБ ХАЛТУРЩИКА

Рис. К. Ротова.

— Вот положение: нужно сегодня в женский журнал пойти, — и не знаю, что одеть. Придется красную косынку заводить.

НО ИЗБАВИ НАС ОТ ЛУКАВОГО.

Писучий зуд—болезнь тяжелая, но от нее обыкновенно страдает только сам больной. Но, вот когда одержимый зудом пристраивается на какую-нибудь ответственную работу, где, пользуясь служебным положением, ухитряется печатать свое зудотворчество, тогда болезнь эта принимает характер общественного бедствия. Получается и позор и несчастье сразу. Но тут на помощь является всегда «Крокодил» со своей лоханкой, куда и забрасывает очередной отброс. Сегодня мы шваркаем в лоханку с особым удовольствием книжонку некоего Л. Лукавого, заведующего оеским отделением Госиздата Украины. То, что назудил Лукавый, не требует никаких пояснений. Все одинаково представляет из себя рекорд пошлости. Почему мы и ограничиваемся только перепечаткой его нескольких «произведений» из книжки «Брызги Смеха, Слез и Крови» (Окрит 1169). Вот они, эти «произведения»:

I
Я утверждаю категорически,
Что каждое живущее лицо
Есть гной и падаля историческая,
Вонючая, как затхлое яйцо.
Вся жизнь—„гармония миражных граций“
Космических и социальных царств—
Ничто перед законом менструаций
Абстрактной грязи,—пошленьких лекарств.

II
Смотрю на будущее бодро,
И, если сделал кто порой
Безнравственно, бестактно, подло,
Тому пусть сядет геморрой...

III
Мы случайно с тобой повстречались,
Перешли в тот же вечер на ты,
Соля с Таней немножко ломались,
Хохотали во все животы.
Это было в Украинском клубе,
Где швейцар постоянно торчал,
Охраняя потертые шубы,
От которых пот вечно вонял.

IV
Пойми весной мои страдания,
Как ты безмерно хороша; мой Кет.
В минуту нашего любовного свиданья
Ты не накормишь парочкой котлет.
Не думай, Кет, что я хочу быть пошлым
Перед тобой душой и телом чист,
Но кто женат законно галошей,
Тот извивается, как тощий глист.

V
Я не в экстазе
Пред вашей женской красотой, —
С ячменем в глазе,
Сейчас вы не шедевр собою...

В древности был распространен такой педагогический прием для воспитания юношей. Желая возбудить у них отвращение к пьянству, родители водили своих сыновей смотреть пьяных до скотства рабов. Теперь, если родители пожелают привить своим детям отвращение к заборной литературе, пусть показывают им книжонку Л. Лукавого.

ПИОНЕРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ КАЦ

В номере третьем журнала юных пионеров «Барабан» напечатан рассказ некоего Д. И. Кац «У белых». Этот Кац угощает пионеров вот каким простым и ясным русским языком:

— У каждого дата есть своя. Заветная. Каждый год какой-нибудь накрепко в памяти запер. Один год помнит, когда родился, другой—когда умер кто близкий. У всех—свое. А у Сережки—1920-й, ибо в том году пережил Сережка незабываемое...

Насчет того, что у всех свое—это вы верно, гражданин Кац: у одного—грамотный язык, у другого — безграмотный. А только безграмотным языком для пионеров писать не надо. А, то и они и впрямь подумают, что годы помнят, когда они родятся.

«МИРАЖ ЗАМПРЕДА» ИЛИ «ВСЬМА СРОЧНО».

Попусту раньше люди удивлялись:
— Удивительно, Марья Дмитриевна, — чай пила, а пузо холодное?!

Это, так сказать, обыватели, с бытовым уклоном. Те же обыватели, но с уклоном научно-популярным крайне интересовались вопросом:

— Ежели в землю палку воткнуть, то куда земля денется?

Теперь народ стал грамотный и, сохранив прежнюю любознательность, проявляет ее по более значительным и уважительным поводам.

Так, в начале декабря прошлого года тов. Зорич в «Правде» напечатал фельетон, в котором выражал крайнее изумление по поводу того, на какого же дьявола зампред авдеевского (Сталино) райисполкома в циркуляре, обращенном ко всем сельсоветам района, излагает свои мысли следующим непонятным образом:

Темп развития какой-либо деятельности, охвата ее в полной работоспособности и привлечения плодотворности по возложенному поручению, вполне соответствует расположению времени, интеллективному и моральному подходу к делу.

Приведа еще ряд выдержек этого изумительного циркуляра, тов. Зорич сделал ряд надлежащих выводов: во-первых, что цветистый язык, непонятный массам, совершенно никому не нужен и представляет собою просто жалкое подражание соглашательским ораторам, которые должны были свои мысли скрывать под набором слов; во-вторых, что нам нужно почаще посматривать на записку Ленина об очистке русского языка, и, наконец, сообщил, что авдеевский зампред снят с должности за любовь к фразе.

Вопрос с зампредом был исчерпан, фельетон всем понравился, за исключением, может быть, авдеевского зампреда и, к великому изумлению многих, тов. Михаила Кольцова.

Авдеевский зампред о своем недовольстве промолчал, но не таков был Михаил Кольцов. Занятый в течение трех месяцев воспоминаниями о встречах своих с великими людьми и персональными указаниями буржуазным министрам на неправильность их буржуазной политики, Михаил Кольцов не вабыл авдеевского зампреда и стилистических промахов Зорича. В начале февраля текущего года в «Правде» появляется фельетон тов. Кольцова «Весьма срочно». В этом фельетоне, как и в фельетоне Зорича, сказано, что коммунисты всегда стояли за ясность, за настоящие прямые слова по сути дела и спора, всегда боролись с меньшевиками, эсерами, словоблудами, сами всегда старались говорить с массой просто, ясно, прямо, точно, и дальше выражена правильная мысль, что нехорошо поступает зампред авдеевского райисполкома, который пишет такой циркуляр:

Весьма срочно. Темп развития какой-либо деятельности, охват ее в полной работоспособности и проявления плодотворности по вышензложенному поручению вполне соответствуют расположению времени, интеллективности и моральному подходу к делу.

Не плохой фельетон у тов. Кольцова вышел, только удивляются читатели «Правды»:

— Почему тов. Кольцову не понравился фельетон тов. Зорича. А если и не понравился, то почему он то же самое через три месяца написал, а?!

Не добьются читатели ответа на этот вопрос и, как пишет сам тов. Кольцов:

«Поникинут они головами над этим «Весьма срочно» с вполне обоснованной тоской».

А мы скажем:

— Хорошая газета «Правда». Хорошие фельетоны в «Правде». А вот редакции «Правды» они не нравятся, — не читает она их!

Вей.

Стон идет по всему СССР. Клянут подписчики раз'ездных агентов, собирающих обильную подписную жатву, плоды которой пожинают они сами, если они растратчики, и вдвоем с издательством, если они честные люди.

«Крокодил» чувствует себя как на острове, омываемом этим гневным морем жалоб и упреков. Сплошной прибой.

Коллектив служащих Юрьевоцкого уфинотдела, Иваново-Вознесенской губернии, выписал под почт. квитанцию № 154 еще 5-го февраля «Коммунистический народный университет на дому». Посылал запросы. Ответа нет, книг нет и денег тоже нет. Помогите! Пропали наши 12 рублей, —

стонут юрьевоцы. А вслед за ними плачется рабочий литейного цеха завода «Югосталь» Ф. Ф. Тарасов (гор. Сталино, Донецкой губернии).

Он требует «прибить» как следует этот самый «Прибой», которому он еще в ноябре 1925 года послал в виде задатка 2 рубля на выписку упрощенного метода счетного дела.

Книга «Прибоя» по этому вопросу была бы, несомненно, очень ценна, так как издательство на практике провело «упрощение счетного дела»: получает подписные деньги и спокойно кладет их в кассу... Этим дело кончается. Проще уже нельзя!

А вот стон души Я. М. Лифшица-Шершера из села Кудымкар, Коми-Пермяцкого края, Уральской области. Он хотел стать бухгалтером и выписал у «Прибоя» «Бухгалтерию на дому».

Послал, как полагается, задаток 2 руб. еще в конце 1925 года и ждет книг до сих пор.

Он, по всем данным, человек тихий. Книжки он уже не ждет, а молит только передать эти два рубля на усиление фонда постройки колонии для беспризорных детей. Плохо кончил он свою бухгалтерскую карьеру, еще не начав ее: с убытком в два рубля. Неважный получился балансик!

Так стихия прибывает деньги к кассе «Прибоя».

Газета «Московский Коммунальник» распространяла по Москве предварительную подписку на траурный номер газеты, посвященный памяти В. И. Ленина. Всем подписчикам были розданы талоны с многозначительной надписью: «Без печати недействителен».

Перед нами талон с печатью, но, несмотря на это, его обладатели—слушатели московской губсовпартишколы — пока газеты этой не читали. Сидят они, держат талон в руках, читают его и перечитывают.

Увлечательное чтение... прямо уголовный роман какой-то!

Ползут из темных уголков и жалобы на «Огонек»:

В отдел объявлений издательства «Огонек» еще в сентябре 1925 года были посланы тов. Виноградовым из Владивостока 4 руб. 60 коп. на выписку «радио-библиотеки». Как полагается, книг нет, на запросы не отвечают.

Оказывается, не только радио-волны невидимы для человеческого глаза, но и радио-библиотека тоже невидима. Плохо светит «Огонек».

Издательство «Красная Звезда» обещало выпустить альбом гражданской войны.

Уполномоченный издательства, некий Рессельс, по заказу № 43752 получил в июле 1925 года на Курганской госкладобойне заказ на 26 экз. и 78 руб. денег. Нет денег, нет альбомов.

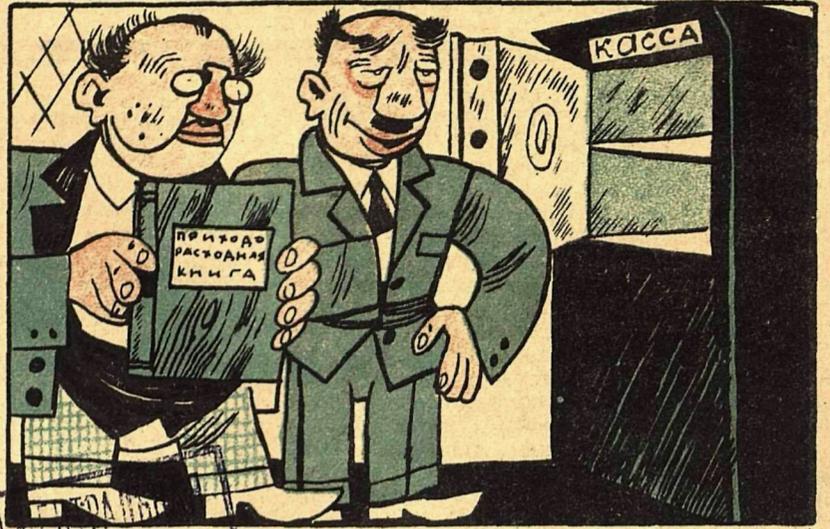
Эх, «Звезда»! А еще красная! А кто покраснеет от стыда за все издательство сразу?

Нам неизвестно...

Ипа.

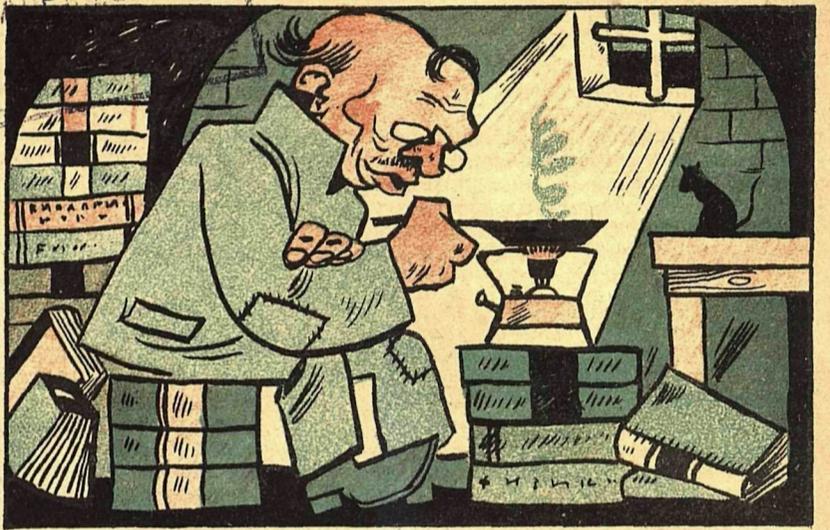
Воров и громил художники рисуют обыкновенно так...

А на самом деле они иногда выглядят совсем иначе.

Ученый изобретатель изображается часто таким образом...

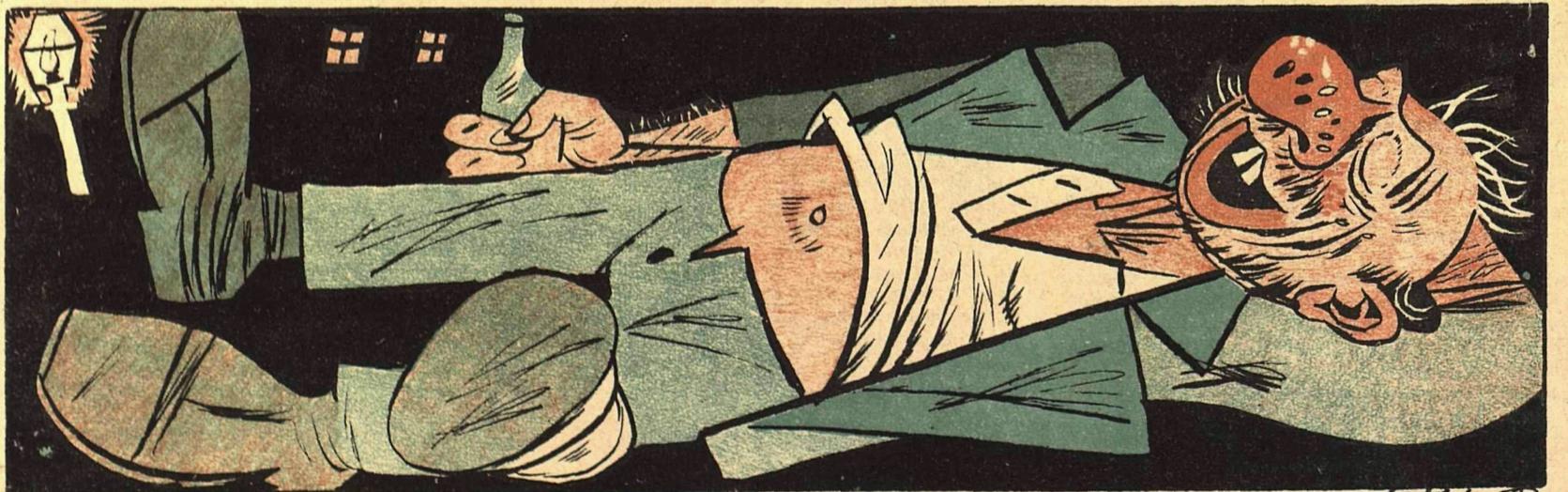
А в жизни он бывает вот каким.

Ответственные работники изображаются всегда примерно так...

И никто не изображает их в такой обстановке.

И только в изображении пьяниц художники никогда не ошибаются, потому что как пьяниц ни нарисуй — в любом costume, — все равно правдоподобно. Все пьют.